

НАША СТРАНА

Год издания — 42-ой. Буэнос Айрес, суббота 13 января 1990

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 13 de enero de 1990 N° 2058

О. БАРТЕНЕВ

«В царствовании Николая Второго — ключ к будущему России»

Издаваемый в Онтарио журнал "Monarchy Canada" уделит четыре страницы своего 3-го номера за 1989 год русскому монархическому движению, которое как гласит заглавие статьи «расцветает будь то в подполье или в изгнании». Что касается «расцвета», то это, конечно, громко сказано, но журнал правильно отмечает, что в эру гласности и перестройки русские монархисты привлекают внимание прессы. В подтверждение этого, орган канадских монархистов первым делом полностью воспроизвел доклад Великого Князя Владимира Кирилловича, сделанный в Палм Бич, в американском штате Флорида.

МАРК ТВЕН О ЦАРЕ

Глава Российского Императорского Дома напомнил слушателям о тех временах, когда отношения между США и Россией были весьма дружественны и привел, в частности, очаровательное описание писателя Марк Твена посещения им императорского дворца близ Ялты в 1867 году в составе группы американцев, возглавляемой консулом США. Автор «Тома Сойера» рассказывает как американцы расположились под деревьями у ворот дворца и

«... через несколько минут Императорская Семья вышла кивая и улыбаясь и стала посередине группы... С каждым кивком Его Величество произносил приветственное слово. Я записываю эти слова. В них есть характер — русский характер — квинтэссенция вежливости... Все мы сняли наши шляпы и консул разразился своей тирадой. Император стоически выслушал её... Он поблагодарил за обращение и сказал, что очень рад видеть нас, в особенности принимая во внимание существующие столь дружеские отношения между Россией и Соединенными Штатами. Императрица сказала, что американцы любимы в России и она надеется, что к русским в Америке будут так же относиться. Больше не было речей и я рекомендую их как образцы краткости и деловитости».

Марк Твен рассказал затем, что побеседовав с ними около получаса Российский Император и его Семья с полной непринужденностью сами провели гостей по различным залам дворца.

Приведя этот эпизод Великий Князь затем кратко обрисовал благотворные реформы его прадеда, Императора Александра II и особо остановился на екатеринбургском злодеянии, отметив ошибочность приписывания Царю-Мученику слабости. «В самый тяжкий момент возле

Государя не оказалось ни одного верного человека на которого положиться; он отрекся в искренней надежде предотвратить дальнейшее кровопролитие».

ПОДСОВЕТСКИЙ МОНК

Подчеркнув, что коммунизм не способен эволюционировать, Глава Императорского Дома сказал, что он не исключает возможности такой ситуации, при которой какой-нибудь советский руководитель может, вольно или невольно, сыграть роль мистификатора коммунизма. «Монархию — сказал Великий Князь — восстановил в 1660 году в Англии кромвелевский генерал Монк, а Фуше служил министром юстиции при якобинцах, при Наполеоне и при Людовике 18-м. И несомненно какой-нибудь сегодняшний зародышевый подсоветский Монк или Фуше пока еще вслух заверяет о своей верности делу Ленина».

По мнению Его Императорского Высочества, курс нынешнего советского правительства можно будет определить судя по его отношению к колхозам и к религии. Что касается сей последней Великий Князь рассказал, что 6-го января 1937 года советское правительство произвело перепись населения. Анкета включала вопрос: «Являетесь ли вы верующим?», причем власти приложили все усилия, чтобы запугать граждан и добиться повального отрицательного ответа. Тем не менее в сентябре этого же года власти заявили, что саботажники инфильтрировали ряды опрашиваемых работников, а поэтому результаты переписи считаются недействительными.

Новая перепись была произведена 6 января 1939 года, но в этот раз, как и во все последующие, вопрос «Являетесь ли вы верующим?» был опущен. Не так давно однако, известный советский атеист Ранович сказал студенту, участнику его семинара в Московском университете (ныне эмигранту), что 50 миллионов русских людей называют себя верующими. «Следовательно — сказал Великий Князь — когда мы слышим о «возрождении» религии в СССР, мы должны помнить, что религия в России никогда не умирала».

После доклада Главы Императорского Дома, канадский журнал опубликовал пространный отчет Начальника Российского Имперского Союза-Ордена П. Н. Колтынина-Валюнского об участии Великого Князя Владимира Кирилловича в торжествах 1000-летия Крещения Руси в США. Затем "Monarchy Canada" напечатал следующие отрывки из вышедшего в издательстве Praeger на английском языке труда Джона Даллона «Новый Русский Национализм»:

РОСТ МОНАРХИЗМА

«Я намерен описать явление, которому западные обозреватели не уделили достаточного внимания: подчеркнутый рост монархических и реставраторских чувств в современном СССР. Как повлияет это явление на дальнейшие события я не берусь предсказать. Но само явление ясно требует детальной дискуссии».

Важным знаменем отпущающимся к росту монархического и реставраторского чувства во время брежневского периода было опубликование в 1972-1973 годах журналом «Звезда» книги Марка Касвинова «Двадцать три сунени вниз» (название относится к количеству ступеней по которым Николай II и его Семья сошли в ночь их убийства; тоже их можно понять как пакек на 23 года царствования последнего монарха). Хотя она являла собой несомненно антимонархический трактат, книга (переизданная «Мыслью» в 1979) преподнесла большое количество ранее недоступной информации о царе, его семье и его царствовании. Книга произвела сенсацию среди подсоветских читателей, которые жадно набросились на крупную подлинную информацию сохранившейся в касвиновском памфлете; недавние эмигранты из Советского Союза свидетельствуют, что им было невозможно достать журнал — таков был читательский спрос на обычно скучную «Звезду»...

Появление касвиновского опуса показало, что автор, издатель «Звезды» и чиновники книгоиздательства «Мысль» были обеспокоены ростом монархического и реставраторского чувства в Советском Союзе и решили бороться с этим нежелательным явлением прибегая к производству порочащему царя. Можно также добавить, что поскольку он был последним русским царем и потому что он был зверски убит большевиками, Николай II стал для современных русских людей главным символом старого режима. Его царствование по видимому производит квази-гипнотический эффект на сегодняшних русских, которые казались бы чувствуют, интуитивно, что период от 1894 до 1917 года является в какой-то мере решающим для понимания советского настоящего и выявления контуров будущего страны. Так писатели — от неонацистов как Валентин Пиккуль, автора известного подсоветского бестселлера «У последней черты» и Николая Яковлева, автора книги «Первого августа 1914» и до Нобелевского лауреата Александра Солженицына и покойного «западника» Андрея Амальрика писавшего книгу о Распутине — все они сосредоточены на царствовании Императора Николая II; царствовании в котором как бы содержится ключ к будущему страны».

В 1977 году два драматических события послужили свидетельством роста монархических чувств в Советской России. В начале года редактор и заместитель редактора ленинградского журнала «Аврора» были смещены со своих мест за опубликование поэмы в которой выражалось сострадание к заточенной в Тобольске императорской семье. А в октябре, большой, прочный Ипатьевский дом в Свердловске, где царь и его семья были убиты, был снесен по приказанию властей. Причина: здание превратилось в место паломничества...

СЫНОВЬЯ ЭЛИТЫ

Приведем еще и рассказ ода-ренного поэта Юрия Кублановского, эмигрировавшего в 1982 году из Советского Союза, чьи поэмы, появившиеся в альманахе «Метрополь», заслужили высокую оценку Иосифа Бродского. Когда вы посещаете дом члена номенклатурной элиты, пишет Кублановский, вы наверняка увидите на стенах «фотографии наших Циклопов (Брежнев и др.)». Но: «Загляните в комнату сына и здесь вы увидите лампаду, фотографию последнего царя и императрицы, иконку святого Серафима Саровского...»

Западный обозреватель может быть склонен к оценке этого реставраторского чувства как модничанье, свойственное юношеству, как бунт молодых против ценностей старого поколения. Но весьма достопримечательно, что сам Кублановский — образованный и культурный человек — является убежденным монархистом. Быть может ни одно из массовых средств не имело такого влияния на рост монархических чувств в СССР, как кинематограф, достигающий, разумеется, многочисленной аудитории. С середины 60-х годов, по крайней мере были выпущены три фильма посвященных Николаю II и его трагедии: «Корона Его Величества», «Перед судом истории» (повествование вел Василий Шульгин) и «Агония» режиссера Элема Климова. Этот последний фильм законченный в 1975 году несколько лет был запрещен, но затем показан на

**ЗАВЕТЫ
ПРЕДКОВ**

Мы верно служили при
русских царях,
Дрались со славой и че-
стью в боях.

МАРШ
СЕМЕНОВСКОГО
ПОЛКА

Московском Кинофестивале в 1981 году. Также достопримечательны советские фильмы о Белом Движении, которые выводят белых в положительные тонах (например, «Служили два товарища»). Хотя, с точки зрения исторической, многие белые не были монархистами, в сегодняшнем СССР есть тенденция считать, что они ими были.

ЦЕЛОСТНОЕ МИРОПЕРЕЖИВАНИЕ

Выступая по этому вопросу в 1982 году, Евгений Вагин писал:

«Я хорошо помню энтузиазм, который проявлялся в кинематографах когда на экране появлялись белые офицеры... Я даже помню слова нескольких «белогвардейских» песен, которые исполнялись в этих фильмах, а затем получали самое широкое распространение».

Недавний эмигрант Андрей Коржинский, который служил в советской армии в семидесятых годах, говорит, что подобные фильмы особенно популярны между подсоветскими армейскими офицерами, которые тоскуют по «добрым старым временам» дореволюционного офицерства и презрительно отзываются о советских лидерах как о «политических проститутках»...

У корня современного монархического чувства и симпатий к Белому Движению, лежит отвращение к обношенному, безалаберному, неэстетичному, посредственному советскому настоящему. Современные монархисты, пишет Михаил Гольдштейн «любят сравнивать быт и экономическую жизнь прежнего и теперешнего режимов». В каком-то смысле здесь налицо стремление к потерянной идеалу, некоторая ретроспективная утопия. Императорская Россия отнюдь не выглядит плохой в сравнении с Советским Союзом Брежнева, Андропова или Черненко. «Монархизм», пишет Вагин,

не является просто политической идеологией. Это целостное миропереживание, с глубокими корнями в народной душе. Благоприятное отношение к памяти Царя-Мученика, которое не так давно побудило власть свести Ипатьевский дом, свидетельствует о привлекательности «идеи» монархии... Чисто политическая идея не может сегодня легко «овладеть массами», которые неоднократно разочаровывались после привлекательных обещаний».

В борьбе идеи в современной России, Вагин считает, что «монархический вариант» имеет свои преимущества.

Возвращаясь к тому, что было сказано в начале этого эссе, очевидный рост монархического и реставраторского чувства во время брежневской эры это явление, которым западные аналитики пренебрегают себе же в ущерб. Значение этого явления для дальнейшего развития событий должно быть изучено специалистами. Ясно, что независимо от того, что именно оно из себя представляет, невозможно это явление проглядеть или поверхностно его отвергать».

На этом заканчивается отрывок из книги Джона Б. Денлопа приведенный канадским монархическим журналом.

О. БАРТЕНЕВ

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В моей статье о Солоухине, я писал, в «Нашей Стране» номер 2038, о реакции на его творчество в зарубежной прессе. С тех пор прошло не так уж много времени, — но в данной реакции произошло немало перемен, которые стоит отметить.

Наиболее крутой вираж проделал «Континент» (под названием каких сил?). В номере 60-м помещено мерзкое письмо Г. Владимова. Приведем, к вечному его позору, отрывок из эпистолярных упражнений автора «Верного Руслана». Вот что он говорит про рассказы Солоухина!

«Нам то и дело дают почувствовать, в каких сферах обретается и вращается это литературное святило: с крупными деятелями печати, «кадрами ЦК ВЛКСМ» он пьет вино и ест воблу в Домжуре, инструктора ЦК КПСС посвящают его в свои мужские похождения, случалось ему побеспокоить звонками заместителя предсовина РСФСР Качемасова и министра Фурцева, а из квартиры И. Стадника поздравил, с Крещением пенсионера Молотова; в длительных зарубежных турне общался он с советскими посланцами и лидерами соцстран, по градам и весям США его сопровождает переводчик госдепартамента, с иноземными достопримечательностями знакомит ответственный сотрудник советского посольства».

Как объяснить эти злобные, истерические выкрики? Одно только истолкование автоматически приходит в голову: черная зависть к несравненно более талантливому, а потому и более преуспевающему собрату по перу. Стыдиться Владимиру Алексеевичу своих достижений никак не приходится: все мы знаем, что он с самого начала своей литературной карьеры протаскивал в печать столько правды, сколько было возможно; а что советская цензура всячески силилась у него главное из текста вырвать и основные его мысли исказить, — не его совсем вина.

Изображать его как апологета большевицкой системы есть заведомая ложь (и, без сомнения, Владимов это отлично сознает); как факт его, Солоухина, отрицание советского строя — куда более радикальное и последовательное, чем у самого Владимова.

Зачем бы Солоухина нужно было замалчивать свои встречи с другими подсоветскими писателями, того или иного направления, неизбежно в профессиональном плане? Или деловые контакты с министрами, по литературным делам? А при поездках за границу, ясно, он волей-неволей общался с советскими дипломатами. Вот если бы он про эти вещи не упоминал, — можно бы было его упрекать в неискренности! Он же, в своих биографических характера очерках описывает все как было, — и это именно есть честная и правильная линия поведения.

Углубила свою позицию и «Русская Мысль», ядовитые инсинуации которой нас не удивляют. Чего и следовало ждать от сего насквозь антинационального, антирусского органа? В напечатанной в нем статье М. Блинковой, эта полевая настойчиво науськивает кремлевское правительство на писателя, повторяя раз за разом, что он де чужд принципам марксизма-ленинизма и заслуживает за то примерного наказания.

На ее риторический вопрос, поче-

му же его не сажают, не высылают или не расстреливают, мы без особенного труда найдем ответ:

Солоухин стал одним из самых популярных в СССР авторов, одним из самых любимых в народной массе. Репрессии против него произведут, неотвратимо, громкий скандал; какой-либо совершенно не в интересах властей, особенно в настоящее время.

Чем и объясняется относительная мягкость принимаемых против него мер, как запреты выступать по радио или выезжать за границу, которые не раз уже пускались в ход, или как разносы (достаточно свирепые!) в официальной печати. Вероятно (и даже несомненно!) номенклатура локти себе кусает: вот мол отогрели змею на груди своей! Да поздно...

Сперва-то, не столь уж и сложно понять, почему бдительное око партии проморгало: крестьянский сын, комсомолец, сочинитель вроде бы и аполитичных стихов, потом развездный репортер «Огонька»... Правда, опасный огонек всегда тлел, в его творчестве, огонек патриотизма, христианской веры и стремления к правде, — но до поры до времени цензуре, вымарывавшей у него все несозвучное принятому свыше курсу) скрыто. Могло представляться, пожалуй, и выгодным позволять ему печататься, в знак выражения некоторого либерализма. Теперь же, — и известность стала непомерно велика, да и времена переменялись. При гласности расправа над пользующимся любовью публики писателя выглядела бы страх как нехорошо!

Специально отвратительна, в «Панораме», статья неумной О. Максимова, уже и прежде атакованной Солоухина в «Новом Русском Слове».

На этой статье, носящей название «Особый ответ», стоит остановиться, как на образец бессовестной дезинформации. Она сплошь построена на фальшивых попытках загримировать критикуемого писателя под крайнего русского шовиниста, каковым он беспорно на деле не является, — если таковые вообще в природе есть!

Для этой цели вырываются из контекста следующие слова: «Никто и никогда не вернет народу его уничтоженного генетического фонда, ушедшего в хлюпающие грязью поспешно вырытые рытвины, куда положили десятки миллионов лучших по выбору, по генетическому именно отбору россиян». И вот Максимова принимается кричать, будто Солоухин заботится о чистоте русской крови; а Гитлер мол заботился о чистоте германской, и значит Солоухин фашист, и пр., и т. д. Она не замечает (вернее, делает вид, что не замечает, — а читателям отводит глаза!), что даже в выдернутой ею цитатой речь идет о россиянах.

А россияне означает «народы России», «граждане Российской Империи» и, — сколь ни грустно — по нынешним временам, «жители СССР». Автор не сказал ни великороссы, ни хотя бы русские. Его сожаление относится ко всем племенам порабощенной большевиками страны.

Недаром, немного выше, в той же работе Солоухина, «Читая Ленина», сказано (речь идет о жажде мирового коммунистического господства): «Неужели ради этого надо потрошить народы, истреблять физически лучшую часть каждого народа... Тут

уж самоочевидно подразумевается отнюдь не один русский народ. Да и в других своих вещах Солоухин постоянно повторяет, что от советской власти пострадали, наравне с русскими, и узбеки, и буряты, и вогулы.

И где и когда он — пусть бы Максимова хоть строчку нашла! — говорит о чистоте крови, да еще в таком смысле, чтобы отрицать Пушкина или Лермонтова? Он, наоборот, и Блока считает великим русским поэтом, хотя у того и фамилия иностранная. И о Мандельштаме он отзывается (вопреки тому, что он должен бы был говорить, согласно Максимова) с полной симпатией, в своем письме о «Мемориале». Так что никакого нету дива, если он (по издевательскому выражению Максимова) «остается поклонником Николая Второго, в котором русской крови и на чайную ложку не наберется».

И когда он называет имена: «Дзержинского и Свердлова, проливших реки и моря русской крови», он их называет как палачей; и бессовестное занятие отсюда выжимать полонифобию или антисемитизм. Как факт, о Польше Солоухин везде пишет с симпатией, польской культурой восхищается; а иудеифобии мы у него пока никогда не видели, если видела Максимова, пусть укажет, где.

Такие вот нечистоплотные переделки и подделки, явно нечестные лжеистолкования, в стиле большевицких процессов «оппозиции», составляют всю длинную статью «Особый ответ». Обмануть она может кто Солоухина совсем не читал и его книг и статей под руками не имеет. Те же, кто с его творчеством знаком, только и могут сочинения г-жи Максимова квалифицировать как мошенническую клевету.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «НАШЕЙ СТРАНЫ»

Австралия: Василий Иванович Рязанцев.

Mr. V. I. Riazantsev, Unit 15, 26 Morwick Str., Strathfield 2135, Australia.

Венесуэла: Вера Дмитриевна Кривцова.

Sra. V. D. Kriwzov, Avda. Bruselas, Q-ta "Mausik", California Norte, 1070 Caracas, Venezuela.

Германия: Валентин Васильевич Зарубин.

Herrn V. V. Zarubin, Leopoldstrasse 69, 8000 Muenchen 40, West Deutschland.

Канада: Борис Семенович Димитров.

Mr. B. S. Dimitrov, 461 Querbes Ave., Outremont QUE, H2V 3W4, Canada.

США: Наталья Николаевна Ткачева.

Mrs. N. N. Tkachov, 50 Cutler #105, San Francisco CA, 94116, USA.

Франция: Евгений Зиновьевич Кармазин.

Mr. E. Karmazin, 41 rue Joseph de Maistre, Paris (18-me), France.

ЛЕОНИД БАРАТ-БАРАНОВ

Д В Е А Р М И И

Что мы видим в советской армии, которая, по словам ее создателей, является совершенством воспитания, несения службы и повседневного солдатского быта? Об этом советская пресса писала в самых возвышенных тонах. Однако с приходом «гласности» появились материалы, показывающие теневые стороны солдатской жизни. В газете «Московская Правда» от 24 сентября 1988 года была опубликована статья Игоря Воеводина «Трагедия в пустыне», ставящая армейские порядки на уровень уголовных преступлений, в результате которых в первые две недели службы 50 солдат попало в госпитали и трое умерло. Так описывает автор бытовые неудобства призывников (новобранцев) — в большинстве своем из центральной полосы России — по дороге в учебный пункт в районе пустыни Кызыл-кум в Средней Азии:

«На станции отправления в вагоне было размещено призывников в два раза больше, чем мест, но рано утром на одной из станций в вагон посадили еще ребят. Хотелось пить, но чая и питьевой воды не было, приходилось пить сырую воду из крана в туалете. А поезд шел по бескрайней пустыне, и немилосердное солнце раскаляло вагон».

Когда призывники все же добрались до учебного пункта, выяснилось, что московскую команду никто не ждал. Подполковник, командир учебного пункта, появился только к вечеру. Обед в этот день изголодавшиеся и усталые солдаты не получили. Их мыли в незащищенном от солнца душе и постригали всех — прямо на улице — под палящими лучами солнца. В общей сложности с непокрытыми свежестриженными головами юноши провели на солнцепеке шесть часов. У некоторых пошла носом кровь, начались обмороки. Лишь после этого заместитель командира учебного пункта распорядился перевести их в тень и выдать 40-литровый бак с отваром из верблюжьей колючки — тошнотворное пойло, но не хватало и отвара.

Измученные люди до полуночи застывали в казарму кровати, так как никто не позаботился об этом до их приезда. Что касается офицеров части, они покинули учебный пункт, не позаботившись о прибывших новобранцах и, как указывает автор статьи, доложили командиру части, что «личный состав принят и устроен».

Что все случившееся с новобранцами в этом учебном пункте — отнюдь не отдельный инцидент, указывает разговор с начальником политотдела части полковником Молчаном, который старался убедить автора статьи в том, что основная вина в смерти трех новичков и болезни пятидесяти других «лежит на солнце и что следует призывать на службу не в самую жару, а чуть раньше», а на вопрос, что все происшедшее — не случайность, ответил после долгого молчания, что с ответом затрудняется.

Здесь следует сказать, что советский офицер характеризуется пассивностью в служебных вопросах, и процесс превращения молодого, полного служебного рвения офицера в равнодушного и апатичного военного бюрократа — постоян-

ный и длительный. Отсутствие личной инициативы, автоматизм в действиях охлаждают энтузиазм молодых офицеров и рождает пассивное отношение к службе, особенно — к подчиненным.

Вот что пишет в своем письме ст. лейтенант А. Пивоваренко в статье «И тогда я объяснился с ефрейтором», («Знамя юности», 3 ноября 1988):

«В настоящее время надежда только на себя. На офицеров надеяться — дело неперспективное. Сужу по опыту своей второй службы — уже офицером после призыва на два года».

В связи с вышесказанным будет весьма интересна выдержка из истории Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка о приеме новобранцев в императорскую гвардию. Как известно, гвардия комплектовалась новобранцами со всей России. Они были политически благонадежные, здоровые, рослые, красивые — большинство из крестьян и известный процент ремесленников.

«Офицеры и унтер-офицеры, присланные за новобранцами, строили их и уводили в свои казармы (после разбивки в Михайловском манеже, производившейся лично Великим Князем — Главкомандующим) с музыкой и подводами для личных вещей. На вокзалах в местах загородных стоянок их встречали трубачи своих полков, с которыми они отправлялись в свои казармы. Новобранцев размещали в специально для них подготовленной зале (учебной), одной из казарм, где они ночевали, кормили их ужином, и на другой день командир полка разбивал их по эскадронам. Все было заранее подготовлено для приема, и офицеры оставались, пока новобранцы были накормлены и полностью устроены на ночлег».

Сравнивая атмосферу приема новобранцев в Императорской Армии с обездушенными порядками, в которые попадают призывники Советской Армии, тотчас видишь, как сама советская жизнь кладет свою печать серости, бесцветности на жизнь молодых солдат — при полном безразличии к этому командного состава. Потому срока демобилизации ждут как освобождения от заключения: протянул свою лямку — и поскорее прочь!

Но вернемся для сравнения к уже цитированному источнику — «Истории Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка». Проводы унтер-офицеров и кирасиров, уходивших в запас после трех лет действительной службы «Вере, Царю и Отечеству» были высокаторжественны:

«Новобранцев строили в манеже, чтоб они посмотрели, как полк провожает «стариков». Конный взвод привозил из дворца полковой штандарт, который ставился посреди манежа перед аналоем. Хор трубачей становился там же. Полковой священник с хором полковых певчих служил напутственный молебен. После него запасные после офицеров подходили к кресту и целовали штандарт. Командир полка обращался к ним с речью, в которой от

имени Государя — шефа полка — благодарил их за верную службу и просил в запас вести себя достойно имени Кирасир Его Величества и желал и счастливого пути, и счастливой жизни дома.

От имени запасных один, по предварительному выбору, отвечал командиру полка несколько слов благодарности ему и гг. офицерам за *отеческое попечение о них*, и провозглашалось «ура!» Государю, полку и офицерам. Потом командир полка говорил несколько поучительных слов новобранцам, указывал на уходивших, и после того запасные под командой старшего из них проходили в последний раз церемониальным маршем перед своим штандартом и командиром полка».

После официальной части заведующий хозяйством приглашал запасных и офицеров на угощение в манеже — водка, пиво, пироги и разная закуска. Офицеры прощались со своими кирасирами: *чокались, целовались, пожимали им руки*. Офицеров качали. Играли трубачи.

Такие проводы были не только в гвардии: было типичным примерно также проводить запасных во всей Русской Императорской Армии.

Запасные в большинстве своем возвращались обратно в свои деревни и села, но многие поступали на службу в корпус жандармов, в полицию или в другие гражданские ведомства, куда их охотно брали. Вообще запасной после трех лет службы отличался от массы не только своим серебряным полковым жетоном, но и выправкой, подтянутостью и сметкой. Ведь недаром в народе слово «служивый» имело высокое и почетное значение.

Итак, на основании фактов, опубликованных в советской прессе, можно с уверенностью сказать, что в обращении офицера к солдатам, особенно — к новобранцам, Советская Армия в сравнении с Русской Императорской Армией не выдерживает никакого сравнения. Утверждения же советской публицистики в течение 70 лет, что в Русской армии солдат был парием, нес службу, живя в нечеловеческих условиях, подобных крепостническим, — сплошная ложь, сознательное извращение истины.

Можно сравнить в этом отношении вышеописанный случай с новобранцами со смертельным исходом с теми нормами, которые определяли условия набора рекрутов в 19-м веке — «Воинским Уставом о строевой пехотной службе. Школа рекрутская», 1862 года, в коей говорится об обучении рекрутов после трехнедельного пребывания их в полку:

«С этого времени начать гимнастические упражнения и производить таковые, руководствуясь советами врачей, которые должны определить при первоначальном осмотре, соображаясь с сложением рекрут, кому из них какие упражнения полезны и каких следует избегать».

И дальше:

«Предписывается к неуклонному исполнению употреблять на занятиях с рекрутами не более трех с половиной часов в день, то есть два с половиной утром, и

одного часа вечером, считать в том числе и короткие отдыхи, которые в продолжение учения должно давать рекруту чаще или реже, смотря по его силам».

И здесь советская методика тренировки молодого солдата не выдерживает никакого сравнения. Что же касается ответственности офицера в обучении рекрута, то он, по уставу, «должен наблюдать за ходом его, являясь в части неожиданно и в неопределенное время».

О взаимоотношениях же царских офицеров и солдат говорят многие факты, известные из истории и литературы. Приведу здесь несколько строк из воспоминаний именно на данную тему кадрового офицера, 181-го пехотного Остроленского полка подпоручика Иванько:

«... Поздоровался отдельно с фельдфебелем, затем пройдя несколько шагов по фронту, сказал: «Здравствуйте братцы!» Рота дружно ответила: «Здравия желаем, ваше благородие!» Пройдя еще несколько шагов, остановился и сказал: «Братцы, я назначен в вашу роту... Будем вместе учиться и служить нашему отечеству... будем воспитывать себя в крепости духа, чтобы могли, в случае испытаний, выдержать и холод, и голод, и верность нашему дорогому отечеству... Если мы будем любить друг друга, помогать друг другу, то нам будет легче...»

Здесь комментарии излишни. Так было в Императорской армии. Отношения между офицером и солдатом отвечали русскому духу настоящего братства: недаром слово «братец» и «братцы» вошли в обиход обращения с солдатами. В тесном союзе с офицером, под его ведущей и всегда заботливой рукой этот солдат формировался в процессе постепенного воспитания, начиная еще с петровских времен. Человеческие, братские отношения между ними бывали порой так глубоки, что в момент испытания солдаты нередко ценой своей гибели спасали офицеров. Верность же отечеству до последнего вздоха была сама собой разумеющейся. Воспитанный в духе любви и гордости к своему отечеству и полку, он знал, «что без Бога нет Царя, без Царя нет Армии, без Армии нет России».

Именно этот солдат менее чем за год до революционного переворота в России сокрушил австро-германские армии в Брусиловском наступлении, тот самый, что, сняв затворы с винтовок, без выстрела кинулся черной ночью и в 20-градусный мороз на грозные немецкие позиции у Бабита и самоотверженно поднимался под пулеметным огнем во весь рост, чтобы покрыть своих офицеров.

Будем надеяться, что пробуждение этого духа — необратимо. Что для молодого поколения нашей страны путь возрождения нации совпадет с тем путем, какой прокладывала Императорская Россия — путем уважения славы предков, расширения добрых начал сотрудничества между народами России и возвращения всего разумного, что было свойственно дореволюционному времени.

ЛЕОНИД БАРАТ-БАРАНОВ

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

ЗА ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

«Сегодняшняя «гласность» превратилась только лишь в обнажение порока, раскрытие негативных сторон жизни и совсем мало коснулась позитивного, созидательного действия. А ведь это действие заложено в прошлом нашего народа. Люди забыли древний обычай пересказа: когда из уст в уста передавались деяния святых людей Земли Русской, деяния национальных героев, борцов за счастье народное. Эти пересказы превращались в героические былины, песни, баллады, дивные сказки, воспитывающие национально-го героя, приводящие нацию к высотам духовности и нравственности. Сегодня все это отнято, изгажено, затоптано, и люди превратились в склочников. Причем, в обозленных склочников, которые пытаются распространить злобную клевету. Сколько страшных трагедий случилось и случается из-за этого! А сегодняшние многие средства массовой информации превратились в занудного критикана, отдавая дань политической моде и очередной политической кампании. На Руси никогда не существовало искусственно созданной гласности, потому что практически не существовало тайны, кроме узко интимных тайн, семейных. Жизнь каждого человека была на виду. У него не было раздвоенности. Он верил в Бога, старался свято хранить Его Заповеди. Верил в тот многовековой уклад монархического устройства государства, когда во главе нации стоял Отец-Царь. Так что, оборвав традицию, посягнув на Веру и уничтожая многовековое традиционное устройство государственное, человек оказался в мерзости запустения, на космополитической помойке грязного порока безнравственного и ничтожного существования. Вот тут-то и произошла подмена героя лжегероем, монарха — лютым диктатором, традиционных форм жизненного уклада — демагогической политической фразой. Лишившись корней и основ духовности, многие превратились в био-

роботов, для которых основное «сырье» заложено в их программе».

Эти прекрасные слова принадлежат Дмитрию Дмитриевичу Васильеву, руководителю Национально-Патриотического фронта «Память». Впервые они были напечатаны на страницах советской газеты. Долгие годы ни один подсоветский журналист не встречался с Дмитрием Дмитриевичем, кроме Лынева из «Известий», да и тот все слова лидера «Памяти» исковеркал и переврал.

Недавно Д. Д. Васильев прислал мне по почте два номера газеты «Знамя коммунизма», издаваемой в городе Ногинске Московской области. Разумеется, название газеты поганое, но хочется подчеркнуть, что как ни странно именно эта газета впервые предоставила трибуну русскому патриоту. Интересно отметить, что за 72 года существования коммунистической диктатуры нигде и никогда слово Бог не писалось с большой буквы, не считая церковную печать и выступления Владыки Птириима на страницах «Известий».

Ногинская газета взяла интервью у Д. Д. Васильева и поместила его в двух своих номерах. Заголовок (тот же, который и мы дали нашей статье) был выведен старославянской вязью.

В интервью сказано, что несмотря на клеветническую кампанию против «Памяти», организованную средствами массовой информации, «состава преступления в наших действиях нет».

На вопрос, какие задачи ставит перед собой «Память» был дан следующий ответ:

«Народное движение не должно иметь политической программы, ибо духовное возрождение не может иметь политической окраски, так как духовное возрождение является исторической сутью нации, передаваемой веками из поколения в поколение. Партийность же это всегда удел меньшинства, это диктат большинства. И в конечном итоге — лютая борьба за власть, полное забвение

обещаний и, естественно, их невыполнение в партийных программах. Все новое — это хорошо забытое старое! Надо сегодня обратить серьезнейшее внимание на труды духовных пастырей нашего отечества, на изучение великого культурного и исторического наследия прошлого, на обращение к традициям народа без искусственного придумывания новых советских обрядов, от которых веет холодом равнодушия, демагогической напыщенностью и полным опустошением души. Может быть, в сегодняшнем мире это звучит парадоксально, но без веры в Бога, без православия, пожалуй, объединиться нации будет невозможно».

Мы свидетели сегодня тысячи различнейших выступлений в СССР. Почти все они имеют социалистическую, советско-марксистскую шелуху. Этим даже страдают некоторые отцы московской патриархии. Даже пресса, находящаяся в русских руках, как журналы «Москва», «Молодая Гвардия», «Наш Современник» и газеты «Московский Литератор» и «Роман-Газета» страдают этой болезнью. Единственным положительным исключением является «Литературный Иркутск», издаваемый Валентином Григорьевичем Распутиным. И ... Д. Д. Васильев единственный общественный деятель, который никогда не прибегает к советской лексике!

Но враги «Памяти», как и в России, так и за рубежом всеми силами пытаются подорвать ее престиж. Для этой цели и были созданы побочные «Памяти» чтобы дискредитировать русское массовое национальное движение. О целях «Памяти» Д. Д. Васильев говорит следующим:

«Национально - Патриотический фронт «Память» проводит огромную разъяснительную работу, просветительскую деятельность, работу по установлению традиционных методов в сельском хозяйстве, работу по возрождению национальных святынь. НПФ «Память» борется за экологию, культуру или как ранее говорили на

Руси — за Веру, Царя и Отечество!»

На вопрос, не ведет ли Россия себя обидно пассивно в нынешнее время, Васильев сказал:

«История человечества не знала такого чудовищного кошмара, я бы сказал, кровавого ужаса, который мы пережили за эти жуткие 70 лет. То насиле, которое пережил русский народ в особенной степени, сжало пружину терпения до предела и, рано или поздно, она распрямилась бы с сокрушительной силой. Поэтому и открыли в некотором роде политические клапаны, чтобы предотвратить ураган. Говорить о том, что Россия спит, нельзя. Россия находится в жутком оцепенении, медленно осмысливая неза заслуженную гибель своих святынь, своих сынов, дедов и отцов, матерей, сестер».

На вопрос: что делать? читаем ответ:

«Необходимо землю передать крестьянам и тем, кто желает ее обрабатывать. Пора бежать из городов-конгломератов, этих зловонных чудовищ, пожирающих сердце людей. Возрождать национальную деревню со всем внутренним укладом жизни. Приводить в чувство тех, кто приезжая на территорию нашего отечества, беспардонно относится к нашим традициям, навязывая свои местечковые интересы. В каждой русской душе нужно пробудить чувство гордости, чувство национального самосознания».

Дмитрий Дмитриевич дает правильный рецепт и нынешнему руководству: «А что касается царской России, то многим сегодняшним руководителям, начиная от генсека и кончая самым рядовым чиновником, не мешало бы поучиться ведению хозяйства у того же Петра Аркадьевича Столыпина».

Несмотря на клевету на «Память» и лично на Д. Д. Васильева, о котором ходили вымышленные байки, что даже мол он уже умер, нельзя не согласиться с его мудрыми мыслями.

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

ЧУДО В ТЕПЕРЕШНЕЙ ОПТИНЕ

Выдержка из статьи «Оптина завязь» вышедшей в журнале «Огонек» номер 34, 1989 год.

«Инок Сергей причастен чуду. Он его видел и поверил ему.

В тот день о. Евлогий (новый настоятель, первый после открытия Оптиной в 1987 году) работал в своем кабинете, как вдруг вбежали к нему со странной вестью: икона Божией Матери, накануне привезенная в храм, источает росу. Взял икону, не решающийся об этом помыслить что-либо заранее, о. Евлогий устремился в храм. У иконы уже собралась небольшая толпа. Она расступилась и о. Евлогий прошел к иконе. Он приблизился к ней, не смея обыскивать икону взором, но, проговорив молитву, тотчас увидел крупную росу, капли которой, казалось готовы вот-вот сорваться. Он тронул ладонью, собрав ее всю и провел ладонями по своему лицу, почувствовав на ладонях миро. Но влага стала выступать вновь. Он призвал инока и велел ему собирать росу на клочок ваты. Инок Сергей стоял перед образом Богоматери всю ночь и к утру принес о. Евлогию много клочков ваты, насквозь пропитанных благоуханным миром.

«Какой день, какой день сегодня?» — думал о. Евлогий, проведя ладонями по лицу.

То был день возрождения Оптиной, ее новая годовщина, день чуда, о котором десятилетия не смели молиться, и вот оно совершается на наших глазах, во славу Господню!»

(Чудо с иконой произошло в 1988 году).

† К. Н. ФАДЕЕВ

Двадцать шестого ноября 1989 года на 83-м году жизни скончался Константин Николаевич Фадеев, кадет Первого Сибирского Императора Александра Первого Кадетского Корпуса, по расформировании которого, закончив образование в Русском Кадетском Корпусе в городе Сараево в Югославии, работал техником на государственном Военном Заводе, который оставил уехав с группой казаков искать счастья в Южной Америке. Переменив несколько стран, осел в Аргентине, поселившись в городе Барилоче. Принял живейшее участие в образованной о. Валентином Ивашевичем церковной общине, пожертвовав участок, на котором при постройке храма в честь Святого Равноапостольного Великого Князя Владимира и двухклассной школы был одним из ревностных строителей и исключительно щедрым благодетелем, так что с полным основанием его должно считать ктиторм построенного храма.

Свято-Владимирская община с настоятелем о. протоиереем Валентином Ивашевичем, протоиерей о. Сергей Иванов и друзья покойного скорбят о кончине незабвенного Константина Николаевича.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основанная 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует Ред. коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires. Телефон: 544-0530. Статьи подписанные фамилиями или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на источник обязательна.

Цены за 1 экземпляр: Австралия-0.80 ам. долл.; Германия-1.80 н. м.; Франция-5 фр.; Италия-1100 лир; США-0.80 ам. долл.; Аргентина - 250.- австр. В остальных странах - 0.80 ам. долл. Цена объявления: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты. Чеки: Miguel Kireeff, for deposit only. Банковские переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

"NASHA STRANA" - "NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Fundado 18.9.1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Bs.As.

Correo Argentino	Franqueo pagado. Conces. N° 4233
Sucursal 30 (B)	Interes General. Conces. N° 3980